

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С29

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Hubert Selby Jr.

LAST EXIT TO BROOKLYN

Перевод с английского *В. Когана*
Компьютерный дизайн *Е. Жбанова*

Печатается с разрешения Sterling Lord Literistic
и The Van Lear Agency LLC.

Селби-мл., Хьюберт.

С29   Последний поворот на Бруклин : [роман] /
Хьюберт Селби-мл. ; [перевод с английского
В. Когана]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
384 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-121711-2

Место действия: Бруклин, рабочий квартал Нью-Йорка
конца 1960-х годов.

Действующие лица: маргиналы всех мастей — проститутки,
гомосексуалисты, хулиганы и сумасшедшие, трансвеститы, до-
мохозяйки и брошенные дети.

Отсутствуют: морализаторство, пафос, идеологическая на-
грузка. Надежда. Вера. Любовь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Hubert Selby, Jr., 1957, 1960, 1961, 1964

© Перевод. В. Коган, 2018

© Издание на русском языке AST

Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-121711-2

Эта книга посвящается Гилу, с любовью

Часть I

ДЕНЬ ПРОШЕЛ, ИСТРАЧЕН ДОЛЛАР

Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё — суета!

Екклесиаст. 3, 19

Они сидели развалившись вдоль стойки и на стульях. Очередная ночь. Очередная тоскливая ночь «У Грека», в ночной тошниловке рядом с Бруклинской военной базой. Изредка заходили сожрать гамбургер солдатики и морячки, которые врубали музыкальный автомат. Но они обычно ставили какое-нибудь треклятое хиллбилли. Грека уговаривали убрать эти пластинки, но тот ни в какую. Они приходят и тратят деньги. А вы всю ночь сидите и ничего не покупаете. Ты что, Алекс, издеваешься?! Да на те бабки, что мы здесь прокутили, ты давно мог бы уйти на покой! Брысь! На твои гроши и на трамвае не прокатишься...

В музыкальном автомате двадцать четыре пластинки. Им хватало и двенадцати любимых, а остальные слушали клиенты с базы. Если кто-то ставил пластинку Лефти Фриззелла или какое-нибудь другое дерьмецо, они стонали, жестикулировали (что за твердолобый разьебай, чувак!) и шли на улицу. Двое умников бросали в автомат монет-

ки, а они прислонялись к фонарному столбу и крыльям машин. Теплой светлой ночью они медленно прохаживались кругами, слегка подволакивая правую ногу в моднучей шаркающей походке полиомиелитчика, со свисающими изо рта сигаретами, с поднятыми сзади и опущенными, подвернутыми спереди воротниками свободных рубах. Прищуриваясь, поплеывая. Разглядывая проезжающие машины. Идентифицируя их. Модель. Марка. Год. Мощность в лошадиных силах. Подвесной клапан. Ви-восемь. Шесть, восемь, сотня цилиндров. Уйма лошадей. Уйма хрома. Зарешеченные фары «Ред энд Эмбер». Видал решетку на новом «Понтиаке»? Классно смотрится, чувак! Ага, зато пикап паршивый. Самый клёвый пикап у «Плимута».

А это дерьмо. Да и дорогу держит хуже «Бьюика». А вот на «Роудмастере» я от всех копов в городе свалю. Если заведешь. По прямой. Вирази. Ухожу от легавых. Обтекаемая форма. Автоматическая гидравлика. Да не заведется она! И квартала не проедешь, как тебя сцапают. Только не на новеньком «восемь-восемь»! Жмешь на газ, и тебя сразу с сиденья срывает. Классная тачка! Только их нынче и угоняю. Для гоп-стопа незаменима. И все же не люблю «Понтиак». Если б я покупал машину... Нацепи фартуки на крылья, решетки на фары, колпачки от «кадди» на колеса да толстожопый выхлоп сзади... Черт подери, да это же будет самая клёвая тачка на трассе! Иди в жопу! Нет ничего выше, чем «Континенталь» сорок седьмого с открывающимся верхом. Высший класс. Мы тут на днях видали

один на Верхнем Манхэттене. Полный пиздец, чувак! Дерьмецо в автомате все звучало, а они трепались и бродили, трепались и бродили, заправляя рубашки и подтягивая брюки, бросая окурки на мостовую... Жаль, ты не видал ту тачку! Цвета шартреза с белыми боками. Покатайся на такой тачке с опущенным верхом, в темных очках и клёвом прикиде, и тебе придется дубинкой от телок отбиваться... Сплевающая после каждого слова и целясь при этом в очередную трещину на тротуаре; слегка приглаживая ладонями волосы, аккуратно поправляя «утиные хвосты» на затылке, нащупывая кончиками пальцев выбившийся из прически волосок, который не свисает с должным эффектом... видал бы ты, какие клёвые рубашки продаются в «Обиз»! Шикарный прикид. Слушай, а ты просёк, какой там в витрине клёвый серебристо-голубой синтетический костюмчик? А то как же! Однобортный, с одной пуговицей и большими лацканами... да и чем еще в такую ночь заняться? Горючего в баке всего несколько капель, а наполнить его не на что. Да и податься некуда... но костюмчик с одной пуговицей нужен позарез. Без него твой гардероб не полон. Ага, но я врубился в эту новую шинельку. Клёвые дела, можно вместо куртки носить... Пустая трепотня тянулась без конца, и никто не замечал, что одни и те же парни болтают об одном и том же, а кто-то нашел нового портного, который за четырнадцать зеленых шьет класснейшие штаны; а как насчет амортизаторов у «Линкольна»; они бросали завистливые взгляды на проезжавшие машины и плевались; и кто, мол, на-

тянул ту тёлку, а кто — эту; один вынул из кармана маленькую щеточку и почистил свои замшевые туфли, потом вытер руки и привел в порядок свой прикид, другой подбросил монетку, а когда она упала, на нее кто-то наступил, помешав ее поднять, и когда он убрал ногу с монеты, ему растрепали волосы, а он обозвал того разьебаем и выхватил расческу, но когда прическа восстановилась, волосок к волоску, ее опять взьерошили, и он чертовски разозлился, а остальные рассмеялись, и еще чьи-то волосы растрепали, и они принялись толкаться, и кто-то еще стал толкаться, а потом кто-то предложил сыграть в молчанку и сказал, что первым должен водить Винни, все с восторгом заорали, Винни сказал, что ему насрать, и стал водить, все его обступили, он медленно отвернулся и принялся резко дергать головой, пытаясь поймать ударившего, чтобы тот заменил его в центре круга, его двинули в бок, а когда он обернулся, двинули опять, он завертелся в получил два удара кулаками в спину, потом еще один по почкам, он согнулся, они расхохотались, он резко обернулся, схлопотал тычок в живот, упал, но показал на бившего, вышел из круга и минутку постоял рядом со всеми, переводя дух, потом начал наносить удары и почувствовал себя получше, когда как следует вмазал Тони по почкам, оставшись незамеченным, а Тони еле шевелился, и его лупили несколько минут, но потом он все же угадал, и Гарри сказал, что он мухлюет, а на самом деле не видел, кто ударил. Но его все равно толкнули в центр, а Тони выждал в сильно врезал ему сбоку по ребрам, ми-

нут пять они еще играли, а Гарри всё стоял в центре круга, задыхаясь и стараясь не рухнуть на колени, и они лупцевали его в свое удовольствие, но потом им стало скучно, игра разладилась, все пошли обратно к «Греку», Гарри — согнувшись и тяжело дыша, все прочие — смеясь, а там направились в сортир умываться.

Они умылись, плеснули холодной водой на волосы и шеи, потом принялись бороться за чистый кусок грязного фартука, служившего полотенцем, крича сквозь дверь, что Алекс — никчемный разебай, потому что не припас для них полотенца, потом стали воевать за место перед зеркалом. В конце концов они пошли к большому зеркалу у входа в забегаловку, причесались, поправили одежду, смеясь и все еще подкалывая Гарри, потом уселись, откинувшись и развалясь.

Любители дерьмеца ушли, и они крикнули Алексу, чтобы тот поймал какую-нибудь музыку по радио. А почему бы вам не бросить деньги в автомат? Тогда будете слушать то, что захотите. Да ладно тебе, чувак! Не будь занудой! Устроились бы лучше на работу. Тогда бы у вас были деньги. Эй, следи за базаром! Ага, Алекс, не надо сквернословить. Работать надо, бездельники никчемные. Это кто бездельник?! Ага, кто?! Они рассмеялись и принялись орать на Алекса, а тот сидел, улыбаясь, на табуретке у края стойки, и кто-то перегнулся через стойку, включил приемник и стал крутить ручку до тех пор, пока не застонал сакс, и кто-то заорал, требуя его обслужить, Алекс послал его ко всем чертям, тот грохнул

кулаком по стойке, Алекс предложил яичницу с ветчиной, а тот сказал Алексу, что не съест здесь ни одного яйца, если не увидит, как его снесет несушка, Алекс рассмеялся — брысь! — не спеша подошел к электрокофейнику и спросил, не угостить ли ему всех ребят кофе, а они рассмеялись, и Алекс велел им устраиваться на работу, а то постоянно ошиваетесь здесь, как нищие бродяги. Когда-нибудь пожалеете. Вас посадят, и тогда вам уже хорошего кофе не видать. КОФЕ!!! Чувак, да он же хуже мочи! Тюремные помои и то вкуснее. Не иначе тебе скоро их снова хлебать. Пошел в жопу, не дожدهшься. Смотри, как бы я тебя не сдал. Давай, тогда хоть отдохну спокойно. Да без нас ты сдохнешь, Алекс. Кто будет защищать тебя от алкашей? Вспомни, сколько раз мы тебя выручали. Вы, ребята, сами того и гляди в беду попадете. Вот увидите. Постоянно выебываетесь. Ах, Алекс! Не надо так говорить. Нам от этого не по себе. Ага, чувак. Ты нас обижаешь...

Алекс сидел на своей табуретке, курил и улыбался, а они курили и смеялись. Проезжали машины, и некоторые пытались идентифицировать их по звучанию мотора, потом выглядывали, проверяли и, расправив плечи, с важным видом шествовали на место, если таковое имелось. Изредка заходил какой-нибудь пьянчуга, и они орали Алексу, чтобы он оторвал задницу от табуретки и обслужил клиента, или велели парню уматывать подобру-поздорову, пока Алекс не отравил его кониной с кофе, а Алекс брал грязную тряпку, вытирал кусок стойки перед пьянчугой и говорил, да, сэр, чего желаете,

и им хотелось знать, почему он не зовет сэрами их, а Алекс улыбался и сидел на своей табуретке, пока пьянчуга не допивал, после чего не спеша подходил, брал деньги, звякал кассой, снова садился на табуретку и велел им вести себя потише: вы что, хотите распугать добропорядочных клиентов? — потом Алекс смеялся вместе с ними, выплевывал окурки и давил их каблуком. А машины всё ехали, пьянчуги всё шли, небо было ясное и светлое от звезд с луной, дул легкий ветерок, из порта доносилось пыхтение буксиров, неслись через бухту и рокотали на Второй авеню глухие стоны их гудков, а когда воцарялась тишина, слышно было даже, как с лязгом лебедки швартуется паром... а ночь была тоскливая, бабок ни гроша, они щелчком выбросили за дверь окурки и подошли к зеркалу прихорашиваться и причесываться, кто-то сделал погромче приемник, пришли некоторые из девчонок, ребята направились к их столику, заправляя на ходу рубашки, а к Фредди привязалась Роза, девица, которую он изредка потягивал, и попросила у него полдоллара, но он послал ее к едрене фене, отошел и сел на табурет. Он разговаривал с ребятами, а она поминутно встревала, но он на нее — ноль внимания. Стоило ему слегка шевельнуться на табурете, как она порывалась встать, а когда садился он, садилась и она. Фредди встал, подтянул штаны, сунул руки в карманы, не спеша вышел за дверь и побрел за угол. Роза шла в шести дюймах справа от него и в шести дюймах позади. Он прислонился к фонарному столбу и сплюнул, едва не угодив ей в лицо. Ты хуже пиявки. От

пиявки хоть можно отделаться. Тварь никчемная. Не вешай мне лапшу, ублюдок! Я знаю, что вчера вечером ты выручил пару монет. А тебе-то что? Да и все равно они уже уплыли. У меня нет даже пачки сигарет. А мне какое дело? Я тебе что, отец? Ах ты, дешевый распиздяй! Иди Иисусу жалуйся, а то у меня от тебя уже яйца ноют. Сейчас еще не так заноят, ублюдок паршивый! — попытавшись дать ему пинка в пах, но Фредди увернулся и поднял ногу, а потом вlepил ей оплеуху.

На базу возвращались трое буйных во хмелю солдат, которые, угостив выпивкой пару шлюх в местном баре, были выставлены на улицу за драку, когда шлюхи предпочли им пару морячков. Услыхав крик Розы, они остановились и узрели, как она отшатнулась, получив пощечину, и как Фредди схватил ее за горло. Полегче, малыш! Неужто никто не знает, что ебать девиц на улице нехорошо... Они расхохотались и разорались, а Фредди отпустил Розы, посмотрел на них и тоже заорал, уёбывайте, мол, отсюда, ублюдки беспонтовые. Я слыхал, что она хороша в койке. Солдаты перестали хохотать и через улицу направились к Фредди. Сейчас мы из тебя душу выбьем, любитель черномазых! Фредди крикнул, и все высыпали из забегаловки. Завидев их, солдатики остановились, потом повернулись и бросились бежать к воротам базы. Фредди подбежал к своей машине, остальные вскочили внутрь и на крылья или ухватились за открытые дверцы, и Фредди погнался за солдатами по улице. Двое продолжали бежать по направлению к воротам, а третий, запаниковав,

попытался перелезть через забор, и Фредди решил расплющить его машиной, но, прежде чем машина врезалась в забор, солдатик успел поджечь ноги. Ребята спрыгнули с крыла, набросились на солдатика сзади, стащили его с забора, и он упал на край капота, а потом на землю. Они обступили его и принялись мутузить ногами. Он попытался перевернуться на живот и закрыть лицо руками, но, оказавшись на боку, получил удар мыском ботинка в пах и каблуком в ухо, закричал, заплакал, взмолился, потом, когда ему рассекли башмаком губу, умолк, продолжая тихо плакать, ах ты, разъебай, сопляк беспонтовый! — от сильного удара ногой в ребра он слегка повернулся и попытался приподняться на одно колено, а кто-то сделал шаг вперед и пнул его в солнечное сплетение, и он повалился набок, задрал колени, схватившись руками за живот, судорожно глотая воздух, кровь забулькала у него во рту, когда он попытался закричать, потекла по подбородку, потом вспенилась, когда он стал безудержно блевать, а кто-то втоптал его лицом в лужу блевотины, где в водоворотах крови забулькали немногочисленные пузырьки, он задыхался, а их башмаки с глухим стуком врезались говноеду в почки, он стонал, вертел головой в блевотине, разрывая волнистые кровавые узоры, потом ему сломали нос, и он стал ловить воздух ртом, закашлялся и начал тужиться, когда в рот ему вернулась часть блевотины, заплакал, попытался вскрикнуть, а Фредди наподдал ему ногой в висок, глаза трусливого ублюдка закатились, он на миг приподнял голову и, со всплеском и стуком уронив